

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН-

Н. Н. ЧЕБОКСАРОВ

ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СТРАНАХ ЮЖНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

*(По данным полевых исследований советских антропологов
и этнографов)*

Изучение этнических процессов, т. е. процессов формирования, развития и взаимодействия различных этнических общностей от первобытных племен до -современных наций всегда стояло в центре внимания советских этнографов и антропологов. Естественно поэтому, что после окончания второй мировой войны, особенно же в последние годы, когда значительно расширились и окрепли связи ученых СССР и зарубежных стран, сотрудники Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Академии наук СССР во время своих заграничных командировок усиленно занимались именно проблемами этнического развития. Надо также иметь в виду, что в наши дни проблемы эти имеют огромное не только теоретическое, но и практическое значение, так как с ними тесно связаны задачи экономического, общественного и культурного развития в социалистических странах, а также в молодых государствах зарубежной Азии и Африки, освободившихся от гнета империалистов и вступивших на путь самостоятельного развития.

Основная цель настоящей статьи заключается в том, чтобы, базируясь на материалах, собранных советскими этнографами и антропологами в странах зарубежной Азии, наметить некоторые общие закономерности этнических процессов в этой обширной части земного шара. Значительное место среди этих материалов занимают данные, собранные автором во время командировок в Индонезию (1962) и в Индию (1964).. Широко использованы также материалы, собранные другими советскими учеными в 1948—1964 гг.: К. В. Вяткиной и Х. Ц. Ральдиным в Монгольской Народной Республике; С. А. Арутюновым, А. Н. Дементьевой и А. И. Мухлиновым в Демократической Республике Вьетнам; С. А. Арутюновым в Японии; А. И. Кузнецовым и С. И. Королевым в Индонезии; Г. Г. Стратановичем в Бирме; Б. Я. Волчок, Н. Р. Гусевой, М. К. Кудрявцевым, С. П. Толстовым и Т. А. Трофимовой в Индии; Ю. И. Журавлевым в Непале; В. И. Кочевым на Цейлоне; Г. Ф. Дебецем в Афганистане. Из приведенного списка ясно, что перечисленные этнографы и антропологи работали в послевоенные годы главным образом в странах Восточной и Южной Азии. Понятно поэто-

му, что в настоящем докладе будет идти речь об этнических процессах именно в этих странах.

Характерной особенностью большинства восточно- и южноазиатских стран является то, что до самого последнего времени в них сосуществовали и тесно переплетались различные социально-экономические уклады — от первобытнообщинного до капиталистического и даже социалистического. Прямым следствием такой социально-экономической многоукладности является наличие в рассматриваемых странах этнических общностей различных типов, включая сложившиеся в эпоху первобытнообщинного строя племена и их родственные группы, народности, характерные для раннеклассовых формаций, уже сформировавшиеся или формирующиеся на наших глазах нации, в том числе и социалистические.

Учитывая все это социально-экономическое и этническое разнообразие народов Восточной и Южной Азии, надо вместе с тем иметь в виду, что в наше время у них по существу господствуют два основных типа общественных отношений: капиталистический или социалистический. Мощное влияние какого-либо одного из этих типов испытывают в наши дни даже наиболее отсталые в социально-экономическом и культурном отношениях и наиболее изолированные в прошлом народы Восточной и Южной Азии. Автор настоящей статьи сам мог наблюдать, как такие влияния проникают все больше и больше в жизнь тогда, когда и бирхоров Южной Индии, тенггеров Восточной Явы. Само понятие антропологической, этнической, языковой и хозяйственно-культурной изоляции окончательно утрачивает в настоящее время свое абсолютное значение и приобретает условный смысл.

К странам зарубежной Азии и в настоящее время вполне применимо сформулированное В. И. Лениным положение: «Развивающийся капитализм знает две исторические тенденции в национальном вопросе. Первая: пробуждение национальной жизни и национальных движений, борьба против всякого национального гнета, создание национальных государств. Вторая: развитие и уращение всяческих сношений между нациями, ломка национальных перегородок, создание интернационального единства капитала, экономической жизни вообще, политики, науки и т. д.»¹.

Подчеркивая исторически прогрессивный характер обеих тенденций, В. И. Ленин указывал, что при капитализме они вступают между собою в антагонистические противоречия. При переходе к социализму эти тенденции продолжают действовать и по-прежнему являются прогрессивными, но их противоречиво-антагонистический характер утрачивается. Этот процесс справедливо отмечается многими советскими философами и историками².

Полевые материалы, собранные этнографами и антропологами СССР в странах Восточной и Южной Азии, а также данные других советских и зарубежных исследователей позволяют констатировать, что во всех этих странах в наши дни действуют обе тенденции, отмеченные в свое время В. И. Лениным. Однако преобладают здесь, несомненно, исторически прогрессивные процессы экономического, культурного и политического сближения различных этнических общностей, их интенсивного взаимодействия во всех областях общественной жизни. Очень важно подчеркнуть, что такое сближение происходит как правило в рамках исторически сложившихся государств. Политические границы в зарубежной

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 20, изд. 4-е, стр. 11.

² См. например, А. Гиндин и И. Козлов, Две прогрессивные тенденции в национальном вопросе, М., 1964.

Азии (как, впрочем, и в Африке и Латинской Америке) стали в настоящее время в большинстве случаев также рубежами между формирующимися крупными историческими общностями нового типа независимо от того, являются ли эти общности однородными или неоднородными в этническом отношении. Нет никакого сомнения, что к таким общностям принадлежит и ясно сознает эту принадлежность большинство населения Монгольской Народной Республики, Кореи и Вьетнама (несмотря на искусственное разделение двух последних стран), Японии, Камбоджи, Лаоса, Бирмы, Таиланда, Индии, Непала, Цейлона, Индонезии и Филиппин. Только по отношению к Пакистану и особенно Малайзии говорить о формировании таких единых общностей вряд ли возможно, так как каждое из этих политических образований состоит из историко-географически и этнически разобщенных частей.

Такого рода общности в новейшей историко-этнографической литературе обозначались различными терминами. Так, например, в совместной статье С. И. Брука и Н. Н. Чебоксарова³ они были названы «национально-политическими общностями». В более поздней работе С. И. Брука «Основные проблемы этнической географии»⁴ речь шла о сплочении народов многих азиатских и африканских стран в широкие «этно-политические общности». Постараемся выяснить, по каким именно признакам наиболее интенсивно происходит сближение народов, входящих в эти общности. Прежде всего отметим, что в Восточной и Южной Азии большинство современных государств и складывающихся в их пределах новых общностей описанного типа имеет глубокие исторические корни. Совершенно очевидно, что задолго до нашего времени, еще до начала колониальных захватов, отдельными историко-этнографическими областями разных порядков были почти все страны рассматриваемой части земного шара. В качестве крупнейших историко-этнографических областей зарубежной Азии можно назвать Индостан (Индию и Пакистан, вместе с Цейлоном и Непалом), Индокитай, Индонезию вместе с Малайей и Филиппинами, Восточную Азию. Меньшими по величине, но вполне реальными областями такого рода, входящими в перечисленные историко-этнографические «провинции» первого порядка являются Япония, Цейлон, Бирма, Камбоджа, Корея, Филиппины и др.

Во всех странах Восточной и Южной Азии уже в средние века (а иногда и раньше) существовали экономические связи между различными народами, вырабатывались в процессе их передвижений, смещений и взаимовлияний сходные черты хозяйства, материальной и духовной культуры, развивались языки, служившие, несмотря на многоязычность населения, средством общения между этими народами, часто складывались общие системы письменности. Можно было бы привести очень большое количество примеров, иллюстрирующих эти общие положения. В области материальной культуры к числу ярких примеров такого рода относятся основные типы нательной мужской и женской одежды: дхоти, лангути и сара в Индии, Пакистане и на Цейлоне; саронг в Индонезии, на Филиппинах и во многих странах Индокитая; кимоно на Японских островах, левополые или прямозастежные распашные кофты в Китае; штаны с широким шагом и халаты в Центральной Азии. Когда путешествуешь по Индии или Индонезии, поражаешься, насколько много сходных черт имеется в материальной культуре разных наро-

³ С. И. Брук, Н. Н. Чебоксаров, Современный этап национального развития народов Азии и Африки, «Сов. этнография», 1961, № 4.

⁴ С. И. Брук, Основные проблемы этнической географии. Доклад по опубликованным работам, представленным на соискание степени доктора географических наук, М., 1964.

дов каждой из этих стран, несмотря на огромное многообразие конкретных форм этой культуры. Это служит как бы живой, яркой иллюстрацией своеобразия их этнического и культурного развития.

В области фольклора также можно выделить эпические и другие сюжеты, характерные для крупных историко-этнографических провинций Южной и Восточной Азии. В Индии и соседних странах среди народов, говорящих на индоевропейских, дравидских и даже тибето-бирманских языках с глубокой древности пользуются огромной популярностью эпические циклы Махабхараты и Рамаяны с их излюбленными героями Арджуной, Драупади, Рамой, Ситой и др. В очень своеобразной форме, связанной с местным народным творчеством, сходные сюжеты распространены у многих народов Индокитая и Индонезии. Так, например, сказание о Сери Раме может считаться характерным для фольклора народов индонезийской историко-этнографической области. Определенная роль в выработке специфических признаков некоторых историко-этнографических областей принадлежит религии. Особенно характерно это для индуизма, который почти на всем протяжении истории большинства народов Индии занимал очень видное место в их быту и культуре.

В последнее столетие огромное значение для сплочения народов стран Восточной и Южной Азии имел подъем у них национально-освободительного движения, в которое втягивались самые разные этнические общности, отличающиеся друг от друга по численности, уровню социально-экономического развития, языку, особенностям хозяйства, культуры и быта. Участие в общей борьбе в сильнейшей степени способствовало укреплению хозяйственно-культурных связей между этими народами, росту у них патриотизма и четкого сознания принадлежности к единому целому — общей для всех них Родине. Герои национально-освободительной борьбы становились общими героями всей страны, независимо от их этнической принадлежности. Все народы Индии, например, чтят память Типу-султана, Лакшми Бай (рани Джанси), Тилака, Ганди и Джавахарлала Неру, принадлежавших, как известно, к разным народам Индии. После завоевания независимости тенденция социально-экономического и культурного сплочения народов восточно- и южно-азиатских стран в рамках существующих государств еще усилилась. Прежние историко-этнографические области во многих случаях стали политическими общностями — независимыми государствами. У населения этих государств выросло сознание принадлежности к таким историко-политическим общностям нового типа, которые в неспециальной литературе и прессе называют иногда «народами» в самом широком смысле слова. Вполне реальными стали такие понятия, как «народ Индии», «народ Бирмы», «народ Индонезии», «народ Вьетнама» и т. п., несмотря на то, что каждый из этих «народов» состоит из различных этнических общностей.

Совершенно очевидно, что эти «национально-политические общности» ни в коем случае не могут быть отождествлены с этническими общностями, в том числе и с нациями, хотя и в политической жизни большинства стран Восточной и Южной Азии постоянно пользуются термином «нация» для обозначения именно таких исторических общностей нового типа. Вопрос об их отношении к действительным этническим общностям должен быть рассмотрен особо. В странах с однородным или почти однородным этническим составом населения, например, в Камбодже, Корее, Японии, общности рассматриваемого типа совпадают с формирующимися или сформировавшимися нациями. В других странах, большинство населения которых говорит на родственных языках и характе-

ризуется сходными культурно-бытовыми особенностями, в наши дни развертываются процессы национальной консолидации — формирования единых наций путем сплочения разных этнических общностей. Именно в этом смысле можно говорить о формировании монгольской социалистической нации, а также таких наций, как индонезийская или филиппинская. В разных странах процессы эти, конечно, протекают крайне неравномерно. Так, монгольская нация в основном уже консолидировалась, индонезийская начала формироваться в последние два десятилетия, филиппинская — скорее прогноз на будущее.

В МНР общенациональным языком становится язык монголов — халха, в Индонезии — индонезийский язык (бахаса индонесиа), развившийся на основе малайского диалекта островов Риау — Лингга, на Филиппинах — тагальский язык.

Ввиду того, что автор располагает оригинальным материалом по Индонезии, остановимся несколько подробнее на процессах национальной консолидации в этой стране. Как указывалось выше, Индонезия представляла собой самостоятельную историко-этнографическую область уже в средние века задолго до захвата ее голландскими колонизаторами. В качестве языка общения между различными народами страны распространялся тогда язык малайцев, расселявшихся почти по всей островной части Юго-Восточной Азии и игравших большую роль в мореплавании, ремесле и торговле. Образование в эпоху феодализма крупных государственных объединений, особенно Шривиджайи и Маджапахита, охвативших значительную часть Индонезии, способствовало развитию экономических и культурных связей между ее различными народами и выработке у них общих этнографических особенностей. Памятники средневековой индонезийской литературы ясно показывают, что тогда у большинства населения страны уже существовало сознание принадлежности к единому целому, чувство любви к родной земле — «Нусантара» — прекрасной стране трех тысяч островов. В то же время характерная для феодального общества социально-экономическая и политическая раздробленность мешала этническому сплочению народов Индонезии и даже стимулировала в известной степени их хозяйственное и культурное обособление.

В период голландского колониального владычества это положение в целом сохранилось. Однако в конце XIX — начале XX в., в эпоху империализма, в Индонезии стали четко проявляться две противоречивые тенденции в этнических процессах: с одной стороны, образование очагов национальной консолидации у наиболее крупных и развитых народов (яванцы, минангкабау, малайцы и др.), с другой же стороны, сплочение всех народов Индонезии, стимулируемое их общей борьбой против колониализма. После завоевания независимости вторая тенденция, исторически более прогрессивная, получила явное преобладание над первой.

В настоящее время процесс национальной консолидации народов Индонезии стимулируется, с одной стороны, укреплением экономических связей между различными частями страны и внутренними миграционными потоками (например, переселением яванцев на Суматру, Калимантан и Западный Ириан), с другой — рядом мероприятий, направленных на повышение культурного уровня населения страны и распространение образования — развитием системы учреждений народного просвещения, а также кино, периодической и ежедневной прессы и радиовещания на индонезийском языке. Значительную роль в этом процессе играют представители различных слоев современного индонезийского общества, принадлежащие к различным народам, но работающие по всей стране, часто очень далеко от места своего рождения.

Процесс национальной консолидации в Индонезии протекает очень сложно и не сопровождается хозяйственной и культурно-бытовой нивелировкой всех ее народов, сохраняющих свои этнографические особенности и развивающих многие стороны традиционной народной культуры. В Индонезии выходят газеты, журналы и книги, проводятся радиопередачи, осуществляются театральные постановки различных жанров не только на индонезийском, но и на других языках — яванском, балийском, бугомакассарском, батакском. В радиовещании и специальной прессе на языке минангкабау, а также «малайцев» Суматры, Калимантана и других островов нет необходимости, так как их языки чрезвычайно близки к индонезийскому. Своеобразной особенностью этнических процессов в Индонезии является то, что национальная консолидация происходит здесь не на основе языка самого крупного народа страны — яванцев, а на базе индонезийского языка, более простого по своему грамматическому строю и издавна более распространенного географически. Малые народы страны, особенно хозяйственно и культурно отсталые «племена» внутренних районов больших островов и восточной Индонезии (например, кубу, бадуи, пунаны, некоторые группы даяков, тораджа и населения Молукков) втягиваются в процесс национальной консолидации очень медленно и постепенно по мере повышения их социально-экономического и культурного уровня.

Иначе протекают этнические процессы в тех странах Восточной и Южной Азии, народы которых не только находятся на различных ступенях социально-экономического развития, но и говорят на разных, часто совершенно не родственных между собой языках. Формирование национально-политических общностей нового типа происходит и здесь, но общности эти не только не совпадают с племенами, народностями или нациями, но и не обнаруживают тенденций к такому совпадению в ближайшем будущем. Именно так обстоит дело в Индии или Бирме, где еще в феодальную эпоху сложилось несколько крупных высокоразвитых народностей со своеобразной культурой, самостоятельными языками, а часто и системами письменности. С развитием капитализма, образованием пролетариата и буржуазии некоторые из этих народностей консолидировались в нации с четко выраженными различиями между двумя национальными культурами — буржуазно-помещичьей и народно-демократической. Вокруг этих крупных народностей и наций происходит в наше время консолидация более мелких и обычно более отсталых этнических общностей. В Бирме, например, такими центрами этнической и национальной консолидации являются, кроме самих бирманцев, карены и шань, в меньшей степени также качины и кая.

Более подробно хотелось бы сказать об этнических процессах в Индии, где автору вместе с ленинградским этнографом М. К. Кудрявцевым удалось побывать осенью 1964 г. О принадлежности народов Индии к одной историко-этнографической провинции и о сплочении их в наши дни в национально-политическую общность нового типа уже было сказано. Но считать эту общность просто национальной нельзя, так как в Индии в настоящее время нет конкретно-исторических условий для образования важнейшего признака всякой этнической, в частности и национальной, общности — единого языка. Язык хинди, недавно официально объявленный государственным и обязательным для всей страны, эту роль играть не может, так как он остается непонятным более чем для двух третей населения Индийской республики. Не только среди дравидийских, мундасских и тибето-бирманских народов, но и среди многих наций, говорящих на индо-арийских языках — бенгальцев, маратхов, гуджаратцев и др., внедрение этого языка административным

путем вызывает активные протесты, часто проявляющиеся в бурных формах. Не может стать национальным языком Индии и английский язык, широко распространенный в среде национальной буржуазии, интеллигенции и квалифицированных рабочих, но все же оставшийся чуждым для большинства не только сельского, но и городского населения страны.

Конечно, процессы этнической, а во многих случаях и национальной консолидации, протекают и в Индии. Однако здесь, в отличие, например, от Индонезии, процессы эти имеют несколько местных очагов. Прежде всего они разворачиваются в пределах образованных после завоевания независимости штатов, которые в настоящее время более или менее соответствуют «лингвистическим провинциям», т. е. ареалам распространения крупнейших языков Индии. По конституции Индийской республики главными языками страны считаются следующие: санскрит, хинди, урду, бенгали, ассамиты, ория, панджаби, гуджарати, маратхи, кашмири, телугу, тамили, каннара и малаяли. Как известно, санскрит в настоящее время не является живым языком. Урду, широко распространенный в Пакистане, в Индии не связан с какой-нибудь определенной этнической общностью. Из остальных 12 языков 8 первых — индоарийские, а 4 последних — дравидские. Хинди представляет собою литературную форму широко распространенного в северной Индии языка хиндустани, который распадается на ряд местных диалектов, настолько сильно различающихся между собой, что взаимопонимание говорящих на них людей крайне затруднено. В пределах ареала преобладания диалектов хинди (Hindi Speaking Area) намечается, по-видимому, несколько очагов этнической консолидации (на востоке, в центре и на западе Бихара, в районах Лакнау, Варанаси и Дели, в Раджастанхоне и др.).

Индо-арийские языки бенгальцев, ассамцев, ория, панджабцев, гуджаратцев, маратхов и кашмирцев, а также дравидские языки телугу, тамилы, каннара и малаяли действительно являются языками крупных, давно сформировавшихся народностей, которые в настоящее время сложились уже в самостоятельные нации. Следовательно, вряд ли можно сомневаться в том, что Индия является, с нашей точки зрения, многонациональным государством, будущее которого лежит на путях экономического и культурного сближения всех ее народов, но отнюдь не на путях их слияния в единую нацию. Вопрос о языке общения между этими народами несомненно является одним из самых актуальных и острых вопросов политической и культурной жизни современной Индии.

Однако вопрос этот должен решаться, как нам кажется, в плане всестороннего развития основных национальных языков населения Индии и сосуществования рядом с ними в качестве добровольных языков межнационального общения хинди и английского. Ясно во всяком случае, что «народ» Индии или индийская национально-политическая общность нового типа является «многонациональной» или «наднациональной».

Процессы этнического развития народов Индии не сводятся, однако, к формированию этой общеиндийской общности и отдельных наций, входящих в настоящее время в ее состав.

Кроме перечисленных крупнейших народов, в Индии расселено большое количество меньших по численности этнических общностей, находящихся на самых разных ступенях экономического, культурного и этнического развития и говорящих на различных языках. В Индийской республике все эти этнические общности включаются обычно в очень условную и неопределенную категорию зарегистрированных племен (Sheduled Tribes), выделенную еще в период английского колониального владычества. Условность этой категории очевидна уже из того, что к

ней относят, с одной стороны, племена ченчу или паниянов, сохранившие многие черты первобытнообщинного строя и насчитывающие не более тысячи человек каждое, с другой же стороны, такие крупные народы, как санталы (3,3 млн. чел.) или гонды (2,5 млн. чел.), расселенные на широкой территории, включающие значительные группы сельскохозяйственных и промышленных рабочих и играющие большую роль в общественно-политической жизни всей страны.

Во время поездки в Индию осенью прошлого года автор вместе с М. К. Кудрявцевым и индийскими этнографами и антропологами имел возможность ознакомиться с хозяйственной, общественной и культурной жизнью многих «зарегистрированных племен», в том числе тода (700 чел.) и кота (около 1000 чел.) на юге Индии в Нильгирийских горах, бирхоров (около 3000 чел.) на юге Бихара в районе Ранчи, кхаси (около 400 тыс. чел.) в Ассаме. Если первые три этнические общности и в наши дни ведут частично кочевой полуоседлый образ жизни, сохраняя в материальной и духовной культуре многие особенности первобытнообщинного строя, а также следы племенной организации, то кхаси представляют собой крупную народность с развитым пашенно-земледельческим хозяйством и резко выраженным социальным расслоением. Тода, кота и бирхоры по существу утратили самостоятельные языки. Два первых народа говорят на тамильских диалектах, а третий — на одном из диалектов языка мунда. Кхаси же полностью сохранили свой мон-кхмерский язык, на котором создана на латинской основе своя письменность, ведется преподавание в начальных и средних школах, издается учебная, общественно-политическая и художественная литература.

Во время пребывания в Индии мы наблюдали большую и плодотворную работу по экономическому и культурному развитию «зарегистрированных племен», которая проводится по всей Индии специальными сельскими «блоками общинного развития» (Blocks of Community Development), во многом сходными с нашими культбазами у малых народов Севера. Индийские этнографы и антропологи принимают самое активное участие в многогранной деятельности этих блоков наряду с агрономами, врачами, учителями и другими работниками культурного фронта. Общее направление национальной политики правительства Индийской республики и партии Индийский Национальный Конгресс предусматривает постепенную интеграцию «зарегистрированных племен», их слияние с более крупными народами. Такая политика встречает все большее и большее сопротивление со стороны «племен», из которых наиболее развитые и крупные — санталы, гонды, мунда, манипури, кхаси, нага и другие вступают на путь активной борьбы за сохранение и развитие своей культуры и своего языка, за автономию в рамках Индийской республики.

Вопрос о том, каким путем пойдет этническое развитие малых народов Индии, должен решаться отдельно в каждом конкретном случае с учетом численности этих народов, соотношения у них разных социально-экономических укладов, особенностей культуры и языка. Весьма вероятно, что самые малочисленные из «зарегистрированных племен», такие, как ченчу, тода, кота, бирхоры и другие, уже утратившие свои самостоятельные языки, превратятся с течением времени в этнографические группы более крупных народов, с которыми они издавна связаны экономически и культурно. Однако большинство так называемых «зарегистрированных племен», представляющих собой в действительности сложившиеся народности, имеют все возможности для дальнейшего прогрессивного этнического развития вплоть до консолидации в самостоятельные нации. Ярким примером реализации таких возможно-

стей является активная борьба за свое национальное самоопределение народа нага, завершившаяся в 1963 г. созданием отдельного штата Нагаленд.

К государствам со сложным и разнородным этническим составом населения относится одна из социалистических стран зарубежной Азии Демократическая Республика Вьетнам. Конечно, здесь этнические процессы протекают на другой социально-экономической основе, чем, например, в Индонезии или Индии. Этнические общности, существующие в ДРВ, являются в настоящее время социалистическими, что, естественно, оказывает решающее влияние на их социальный состав, общественные отношения, особенности культуры и быта. Так, по отношению к народам этой страны нельзя в наши дни говорить о двух культурах в каждой национальной культуре, так как для любого конкретного социалистического общества, в котором отмирают антагонистические классы, характерна тенденция к развитию у каждого народа своей общенациональной культуры. Это относится как к крупным социалистическим нациям, вроде вьетнамцев, внутри которых в прошлом были резко выражены классовые противоречия, так и к сравнительно небольшим и в недалеком прошлом экономически и культурно отсталым народам, пришедшим к социализму, минуя ступень капиталистического, а в некоторых случаях и вообще классового общества.

SUMMARY

During the postwar period the personnel of the Institute of Ethnography in their field works in several countries of Eastern and Southern Asia have paid much attention to the problems of ethnic development. The progressive processes of mutual rapprochement of ethnic entities prevail here in frames of historically formed states, except, perhaps, Pakistan and Malaysia as geographically divided areas. These processes are deeply rooted in history, because almost all these countries coincide with historico-ethnographic provinces of various taxonomic degrees, where even ethnically heterogeneous populations are closely bound together by a shared cultural historic heritage.

The newly emerging historico-political entities in the frames of contemporary states coincide or tend to do so with real nations in those countries where the overwhelming majority of population is ethnically homogenous or where the new entity in process of consolidation originally consists of ethnic groups which are closely akin to each other.

This case is particularly dealt in the article on the Indonesian sample case. In countries like India or Burma new emerging entities are multinational, rather ethnic unions than nations. Multinational entities are emerging also in the Democratic Republic of Viet-Nam, but here these processes bear much of a peculiarity, because they are taking place in conditions of a socialist society.
